

Конфликт культурного и природного в Кавказском мегатексте русской литературы

Диана А. Молчанова

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, anafielas@yandex.ru*

Аннотация. В статье рассматривается роль антитезы «культурное – природное» в мифопоэтике Кавказского мегатекста. Исследование проводится на материале произведений русских писателей (А.А. Бестужев-Марлинский, А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов, Л.Н. Толстой), в которых местом действия является Кавказ. При этом в качестве опорного выдвигается тезис о том, что интегрирующую роль в мегатексте играет не *locus*, а лежащая в основе всех рассматриваемых текстов мифологема. Для Кавказского мегатекста в первую очередь выделяется мотивный комплекс инициации, установленный в качестве базового для Сибирского мегатекста русской литературы, поскольку оба мегатекста возникают вследствие осмысления Кавказского и Сибирского *locus*’ов как символической «страны мертвых». Однако Кавказский текст также имеет в своей основе комплекс мотивов, подпитываемых мифологемой мирового древа, которая манифестируется в виде ряда ценностно размеченных противопоставлений, в том числе пар «север–юг», «запад–восток», «цивилизация – варварство», восходящих в конечном счете к бинарной оппозиции «культура – природа». Эти антитезы реализуются на разных уровнях организации художественного текста: фокализации и сюжета, мотива и мифотекстики, художественной системы автора. Между полями «культурное» и «природное» возникает смысловое напряжение, которое разрешается через обращение к мотивному комплексу жертвоприношения, также восходящему к архетипическому знаковому комплексу мирового древа. Следовательно, антитеза «культурное – природное» играет в кавказских текстах, входящих в единый мегатекст, миродеформирующую роль, накладываясь на мотивный комплекс инициации и создавая амбивалентный хроно-топ символической смерти и духовного перерождения.

Ключевые слова: Кавказский текст, мегатекст, мировое древо, мифопоэтика, мотив

Для цитирования: Молчанова Д.А. Конфликт культурного и природного в Кавказском мегатексте русской литературы // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2022. № 6. С. 27–38. DOI: 10.28995/2686-7249-2022-6-27-38

Conflict of cultural and natural in the Caucasian megatext of Russian literature

Diana A. Molchanova

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
anafielas@yandex.ru*

Abstract. The article deals with the role of the antithesis “cultural – natural” in the mythopoetics of the Caucasian megatext. The study is based on the texts of Russian writers (A.A. Bestuzhev-Marlinsky, A.S. Pushkin, M.Yu. Lermontov, L.N. Tolstoy), in which the Caucasus is the scene of action. At the same time, the thesis that the integrating role in the megatext is played not by locus, but by the underlying mythologeme of all the texts in question. The motivic complex of initiation, established as the basic one for the Siberian megatext of Russian literature, is under consideration as a basis for the Caucasian megatext, since both megatexts arose as a result of perception of Caucasian and Siberian locus as a symbolic “land of the dead”. However, the Caucasian text also contains a complex of motives cultivated by the mythologeme of the world tree, which manifests itself in the form of a number of value-marked oppositions, including pairs “north – south”, “west – east”, “civilization – barbarism”, ultimately ascending to the binary opposition “culture – nature”. Those antitheses are implemented at different levels of the literary text organization: focalization and plot, motives and mythotectonics, the artistic system of the author. There is a semantic tension between the fields “cultural” and “natural”, which is usually resolved through an appeal to the motivic complex of sacrifice, which also ascends to the archetypal iconic complex of the world tree. Consequently, the antithesis “cultural – natural” plays a world-modeling role in Caucasian texts which are pieces of a single megatext. The antithesis superimposes on the motivic complex of initiation and creates an ambivalent chronotope of symbolic death and spiritual rebirth.

Keywords: Caucasian text, megatext, world tree, mythopoetics, motif

For citation: Molchanova, D.A. (2022), “Conflict of cultural and natural in the Caucasian megatext of Russian literature”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 6, pp. 27–38, DOI: 10.28995/2686-7249-2022-6-27-38

Исследователи «русской кавказианы» (И.Л. Багратион-Мухранели, С. Лейтон, К. Хокансон, А. Фэлчер, А. Эткинд [Багратион-Мухранели 2019; Layton 1994; Hokanson 1994; Felcher 2011; Etkind 2011]) неоднократно отмечали присутствие в кавказских текстах комплекса «просвещение – колонизация», объясняя его

«сосуществованием [в сознании русских. – Д. М.] комплексов подчинения и превосходства по отношению к Западу» (The coexistent complexes of inferiority and superiority to the West) [Layton 1994, p. 288]. И.Л. Багратион-Мухранели на материале поэмы «Кавказский пленник» соотносит парадигму «Восток–Запад» с оппозицией «природа – цивилизация», парадигму «Юг–Север» – с оппозицией «природа – культура», при этом по отношению к «Северу» Кавказ выступает как «Юг», положительно окрашенный край вольности; по отношению к «Западу» – обретает отрицательные черты как непросвещенный «Восток» [Багратион-Мухранели 2019, с. 188]. Целью настоящего исследования является установление роли конфликта природного и культурного в мифопоэтическом субстрате Кавказского мегатекста, поскольку исторический контекст не позволяет в полной мере объяснить художественно-смысловое своеобразие геолокального «текста», сформировавшегося на основе locus'a Кавказа. Взаимодействие природного и культурного смысловых полей в отдельных кавказских текстах может быть исследовано на основе интертекстуального подхода, который предполагает прослеживание парадигматических связей отдельных текстов с общим для них архетипическим сюжетом.

Изучение особых геолокальных «текстов» – палимпсестных мегатекстов – ведется с опорой на их мифопоэтическую природу. Именно комплекс архетипических мотивов обеспечивает смысловое единство мегатекста как особой семантической структуры, отличая его от простого тематического единства, контекстуально обусловленных литературных инсталляций и циклоидных ансамблей, а также от циклов, обладающих, в противовес мегатексту, свойством художественной целостности.

Мифологический субстрат Кавказского мегатекста складывается из архетипического комплекса мотивов инициации и универсального знакового комплекса мирового древа. Первое подтверждается тем, что Кавказ, как и Сибирь, в русском культурно-мифологическом пространстве представляется лиминальным («пороговым») пространством символической смерти, предполагающей потенциальную возможность перерождения. Такое представление о Кавказе отразилось в материалах частной переписки 1830-х гг., где можно встретить утверждение: «Кавказ у нас в России слывет хуже Сибири»¹ (что вступает в явное противоречие с живописным ландшафтом и комфортным климатом

¹ См.: *Троцкий Ю.Л.* Российская провинция – от топоса к хронотопу // Российская провинция XVIII–XX веков: реалии культурной жизни. Кн. 1. Пенза, 1996. С. 159–160.

горной местности). В.И. Тюпа в статье о Сибирском тексте русской литературы указывает на особую «смертельность» Кавказа в противовес «временной смерти», переживаемой в Сибирском хронотопе [Тюпа 2002, с. 27].

Мифологема мирового древа, в свою очередь, манифестируется вертикальной архитектоникой Кавказского хронотопа: в художественных текстах с Кавказом оказывается тесно связана протосюжетная схема путешествия в иной мир, реализующаяся в виде анабасиса (восхождения в горы как посещения верхнего мира) и катабасиса (нисхождения в ущелья – путешествия в преисподнюю). Кроме того, универсальный знаковый комплекс мирового древа предполагает упорядочение мира с помощью целого ряда ценностно размеченных противопоставлений, среди которых особой значимостью наделяется антитеза «освоенный (связанный с культурой) – неосвоенный (связанный с природой)» (см. [Топоров 2010а, с. 278]).

Анализ кавказских текстов показывает, что конфликт природного и культурного в них возникает многократно и на разных уровнях организации текста: в уже упомянутой поэме «Кавказский пленник» «хладный и немой» русский, он же европеец, противопоставлен «деве страстной»; в повести «Аммалат-Бек» сталкиваются страстный азиатец Аммалат и полковник Верховский, просвещенный европеец; в поэме «Мцыри» оппозицию образуют «душные», «сумрачные» кельи монастыря и «...чудный мир тревог и битв, / Где в тучах прячутся скалы, / Где люди вольны, как орлы»²; в повести Толстого «Кавказский пленник» противопоставлены активный Жилин и пассивный Костылин, чьи точно намеченные характеры раскрываются именно в условиях кавказского хронотопа; в повести «Казачи» – офицер Оленин, «исковерканное и слабое существо», его «одностороннее, холодное, умственное настроение» и «чистая, неприступная, величаявая», ровная и спокойная, «как природа», казачка Марьяна³.

Оппозиция «природное – культурное» манифестируется в кавказских текстах посредством мотивов, связанных с комплексом мифов о культурных героях – мифических персонажах, добывающих или создающих для людей предметы культа и культуры, обучающих ремеслам и искусствам. В этот комплекс входит и миф о Прометее и аналогичных ему героях (Амирани, Абрскил), местом пленения которых служат Кавказские горы.

² Лермонтов М.Ю. Мцыри // Лермонтов М.Ю. Стихотворения и поэмы. Минск: Мастацкая літаратура, 1979. С. 169.

³ Толстой Л.Н. Казачи // Толстой Л.Н. Севастопольские рассказы: Рассказы и повести. Минск: Юнацтва, 1990. С. 260–261.

Наиболее яркой иллюстрацией проявления мотивного комплекса, связанного с Прометеем, служит повесть Толстого «Кавказский пленник»: Жилин «на всякое рукоделье мастер был»⁴ (Прометей «наделил разумом слепых, жалких людей, живших, как муравьи в пещерах, научил их строить дома, корабли, заниматься ремеслами, носить одежды, считать, писать и читать, различать времена года, приносить жертвы богам и гадать»⁵); он лепит кукол из глины, причем на третий раз «одна – мужик, другая – баба»⁶ (Прометей «сам вылепил первых людей из земли и воды»; «Именно Прометею (а не Афине и Гефесту) приписывается создание первой женщины»⁷), чинит часы и оружие («в виде огня, украденного им из мастерской Гефеста и Афины, Прометей дарует человечеству технический прогресс»⁸).

Однако в мифах культурный герой может быть не только добытчиком, но и борцом с силами хаоса (часто воплощенными в образе хтонических существ). Совершая подвиги, он способствует преодолению первоначального хаотического состояния мира; в мифе примером культурного героя такого типа служит Геракл. В этой связи ожидаемо встретить в кавказских текстах проявления мотивного комплекса героя-змееборца. Действительно, пример поединка культурного героя с иноземцем как воплощением враждебных сил находим в одном из первых связанных с Кавказом текстов в русской литературе – летописном сказании о поединке Мстислава с касожским князем Редедей. Согласно текстам летописей, тмутараканский князь Мстислав вступил в поединок с Редедей один на один и «зарезал» его⁹. Этот эпизод русско-кавказской истории Пушкин в эпилоге «Кавказского пленника» дополняет военными подвигами Цицианова, Котляревского и Ермолова.

Комплекс мотивов, связанных с фигурой культурного героя (как Прометея, так и Геракла), подпитывает сложившееся в русской литературе представление о просвещении как миссии России на Кавказе:

⁴ Толстой Л.Н. Кавказский пленник // Толстой Л.Н. Собр. соч.: В 22 т. Т. 10. М.: Худож. лит., 1982. С. 216 (далее – Кавказский пленник).

⁵ Лосев А.Ф. Прометей // Мифы народов мира: В 2 т. Т. 2. М.: Сов. энциклопедия, 1992. С. 338 (далее – Мифы народов мира).

⁶ Кавказский пленник. С. 217.

⁷ Мифы народов мира. С. 338.

⁸ Там же.

⁹ Лаврентьевская летопись [Электронный ресурс]. URL: http://expositions.nlr.ru/LaurentianCodex/_Project/page_Show.php?list=105&n=116 (дата обращения 15 февраля 2022).

Будьте уверены, что покуда просвещение не откроет новых средств к довольству и торговля не разольет его поровну во всех ущельях Кавказа, горцев не отучат от разбоев даже трехгранными доказательствами¹⁰;

Есть средство более сильное, более нравственное, более сообразное с просвещением нашего века: проповедание Евангелия. <...> Кавказ ожидает христианских миссионеров¹¹.

Поскольку исторические процессы на Кавказе разворачиваются в контексте непрекращающихся военных действий, логично было бы предположить, что культурный герой – победитель чудовищ – будет регулярно возникать в кавказских текстах. Однако на практике столкновение «светлого», культурного, с «темным», природным, в условиях Кавказского хронотопа осуществляется в ином, нежели поединок героя-змееборца с чудовищем, виде.

В текстах, входящих в Кавказский мегатекст, убитый герой предстает вовсе не как злодей, а как невинная жертва. Полковник Верховский прямо именуется в тексте повести «жертвой», в то время как Амалат – «палачом»: «И между тем Верховский, как жертва, ничего не подозревающая, ехал рядом с своим палачом»¹². В поэме «Хаджи Абрек» Леила также «невинная» жертва: при встрече с пришельцем она веселится и танцует: «Восторгом **детским**, но живым / Душа **невинная** объята»¹³; в страхе перед смертью молит его, стоя на коленях: «Ответствуй! Ничего не значат / **Невинных** слезы пред тобой?»¹⁴. «Невинность» Хаджи-Мурата проявляется в портретной характеристике: мертвая голова сохраняет «в складке посиневших губ... детское доброе выражение»¹⁵. Еще при жизни горца «улыбка эта поразила Полторацкого своим детским добродушием»¹⁶. Черты невинной жертвы есть и на лице Элдара – верного кунака (товарища) Хаджи-Мурата: у него в мо-

¹⁰ *Марлинский А.* Полное собр. соч.: В 12 ч. Ч. 10: Кавказские очерки. СПб.: Тип. III Отделения собственной Е.И.В. Канцелярии, 1839. С. 42.

¹¹ *Пушкин А.С.* Путешествие в Арзрум // Пушкин А.С. Собр. соч.: В 10 т. Т. 5. М.: ГИХЛ, 1960. С. 421.

¹² *Бестужев-Марлинский А.А.* Амалат-Бек // Бестужев-Марлинский А.А. Кавказские повести. М.: Наука, 1995. С. 83.

¹³ *Лермонтов М.Ю.* Хаджи Абрек // Лермонтов М.Ю. Собр. соч.: В 4 т. Т. 2. Поэмы. СПб.: Из-во Пушкинского Дома, 2014. С. 251.

¹⁴ Там же. С. 253.

¹⁵ *Толстой Л.Н.* Хаджи-Мурат // Толстой Л.Н. Хаджи-Мурат; Повести. М.: Худож. лит., 1980. С. 293.

¹⁶ Там же. С. 207.

мент смерти «бараньи прекрасные глаза» и «рот с выдающейся, как у детей, верхней губой»¹⁷.

Герой-жертва в кавказском мегатексте может на уровне фокализации иметь черты вегетативного (страдающего и воскресающего) божества: в финале повести «Аммалат-Бек» отмщение и смерть нисходят к Аммалату от руки брата Верховского, словно бы ожившего мертвеца; в поэме «Измаил-Бей» горец Измаил убивает русского офицера ударом пашки: «Как зрелый плод от ветки молодой / Скатился голова»¹⁸.

Имеющийся в этих текстах мотив отсечения головы также не может быть прочитан сквозь призму сюжетной схемы поединка со змеем или в рамках мотивного комплекса инициации, поскольку убитый и обезглавленный герой, как показано выше, отнюдь не соответствует образу хтонического чудовища. Отсеченная голова, кроме того, не реализует свое значение как трофей или выкуп за невесту: Ахмет-хан и его дочь Селтанета отказывают Аммалату, ужаснувшись его преступлению; голова убитого Измаилом русского остается лишь деталью на сюжетной канве; голова Леилы, служащая, на первый взгляд, доказательством исполненного обещания, имеет статус святыни: «И вот пошел я жить в пустыню / С последней дочерью своей. / Ее хранил я, **как святыню**»¹⁹, – повествует о Леиле ее отец. Подвергается сакрализации и мертвая голова Хаджи-Мурата, которую настойчиво пытается поцеловать Иван Матвеевич.

Вертикальная ценностная архитектоника мирового дерева, на первый взгляд, не объясняет смертей «невинных жертв» с последующим отсечением у них головы. Однако объяснение может быть найдено при обращении к горизонтальной оси на схеме мирового дерева, в центре которого (на перекрестье осей X и Y), согласно изысканиям В.Н. Топорова, разыгрывается ритуал жертвоприношения [Топоров 2010b]. По своей мифопоэтической природе жертвоприношение связано с ситуацией столкновения старого и нового, природного (хаоса) и культурного (космоса). Ритуальное растерзание или расчленение человеческой жертвы – важнейший этап «превращения» хаоса в космос, неосвоенного – в освоенное, чужого – в свое. Признавая Кавказские горы аллоэлементом мирового дерева, возможно рассмотреть перечисленные нами смерти героев (Верховского, Леилы,

¹⁷ Там же. С. 300.

¹⁸ *Лермонтов М.Ю.* Измаил-Бей // *Лермонтов М.Ю. Собр. соч.: В 4 т. Т. 2. Поэмы.* СПб.: Изд-во Пушкинского Дома, 2014. С. 197.

¹⁹ *Лермонтов М.Ю.* Хаджи Абрек. С. 246.

русского офицера из поэмы «Измаил-Бей», Хаджи-Мурата) как реализацию мотивного комплекса жертвоприношения: этому способствует, во-первых, мотив невинной жертвы; во-вторых, мотив отсечения головы. Обезглавливание, как отмечает Вяч. Иванов в исследовании «Дионис и прадиионисийство», важнейший этап расчленения, потому оно эквивалентно расчленению [Иванов 1994, с. 131].

В кавказских текстах жертвоприношение и редуцированное до отсечения головы расчленение служат для дифференциации «природного» и «культурного», «своего» и «чужого», а в конечном счете – «доброе» и «злое». В зависимости от того, какой стороне – природе или культуре – принадлежит герой-жертва, а какой – герой-палач, расставляются в тексте знаки «плюс» и «минус».

Аммалат, «благородный дикарь», в финале повести предается своей «животной» стороне и приносит в жертву полковника, представителя «культуры». В результате такого жертвоприношения «природа» обретает отрицательную коннотацию, культура – положительную.

В повести «Хаджи-Мурат» русские, как носители культуры и православия, ведут борьбу с дикарями-горцами, нисходя при этом до осквернения храмов и трупов последних. Благодаря «детскому доброму выражению» в уголках губ мертвой головы Хаджи-Мурата и рамочному тексту, повествующему о негнимоемом чертополохе, «природа» получает положительную авторскую оценку, представители «культуры» же оцениваются отрицательно («Все вы живорезы»²⁰, – говорит о них Марья Дмитриевна).

В поэме «Измаил-Бей» явный представитель русской православной культуры – русский офицер, гибнущий от руки Измаила. Однако и черкесский князь оказывается в финале поэмы не только носителем православия, но и жертвой «второго порядка», тем самым закрепляя знак «плюс» за сферой культуры.

В поэме «Хаджи Абрек» Леила не является представительницей другой культуры, но, будучи невинной жертвой, оттеняет «дикость» горских нравов, воплощенных в образе Хаджи.

С. Лейтон пишет о «бифуркации» художественного образа Кавказа в связи со сменой субпарадигм художественности: Кавказские горы из романтического «земного рая», «алтаря» (Eden; alpine sanctuary [Layton 1994, с. 290]) превращаются в постромантическую эпоху (в литературе реализма) в «место убийства», «поле боя» (killing field; battlefield [Layton 1994, с. 290]). Однако, на наш взгляд, специфика Кавказского хронотопа объясняется амбива-

²⁰ Толстой Л.Н. Хаджи-Мурат. С. 294.

лентностью, заложенной на мифопоэтическом уровне: на уровне среднего члена мирового древа разыгрывается ритуал, и алтарь есть место жертвоприношения – священнодействия и убийства одновременно.

В качестве заключительного наблюдения отметим, что с конфликтом «природы» и «культуры» рифмуется мотивный комплекс Каина (первого земледельца) и Авеля (первого пастуха), который прослеживается в некоторых кавказских текстах – в частности в повести «Аммалат-Бек» и в поэме «Измаил-Бей». Убийство Аммалатом Верховского, как и убийство Каином Авеля, расценивается как великий грех братоубийства, за который Аммалат-Каин проклят и обречен на скитания:

Для тебя счастье! Для тебя, братоубийцы!.. Если ты найдешь его, свет станет молиться шайтану вместо аллы;

Пускай одно раскаяние преследует тебя как тень; отныне я не товарищ твой!²¹

В поэме «Измаил-Бей» князь Измаил – «окультуренный» в России представитель «природы», в то время как его брат Росламбек – аутентичный горец, «лукавый князь», рубящий головы пленникам «для забавы»²². В финале поэмы Росламбек, «жестокий брат, завистник вероломный»²³, убивает Измаила, оказавшегося «джяуром», иноверцем.

Как видим, проблема взаимоотношения природного и культурного не имеет единообразного решения, благодаря чему и формируется кавказский мегатекст, в каждом отдельном тексте которого данная проблема решается по-своему. Индивидуальное становление героя протекает, таким образом, в лиминальном и амбивалентном хронотопе, осложняясь конфликтом «севера» и «юга», «запада» и «востока», «природного» и «культурного», «своего» и «чужого».

Накладываясь на конфликтогенную обстановку исторического Кавказа, мотивный комплекс братоубийства как частный случай универсального конфликта «природы» и «культуры» создает поле напряженных смыслов, ориентироваться в котором оказывается предельно сложно. Кавказский мегатекст аккумулирует двухвековой опыт русской литературы и предлагает разнообразные модели существования человека, пути к нравственному

²¹ Бестужев-Марлинский А.А. Аммалат-Бек. С. 84.

²² Лермонтов М.Ю. Измаил-Бей. С. 163.

²³ Там же. С. 205.

спасению в условиях, когда, выражаясь словами В.Н. Топорова, «жизнь гибнет в царстве смерти, а ложь и зло торжествуют над истиной и добром»²⁴.

Анализ художественных произведений, образующих Кавказский мегатекст, показывает, что в каждом отдельном тексте единого политекстуального комплекса в большей или меньшей степени проявляется комплекс архетипических мотивов, объединенных универсальным знаковым комплексом мирового древа. Специфика Кавказского мегатекста русской литературы нам видится в его мифопоэтической природе, которая объединяет и примиряет столь различные взгляды на литературный Кавказ – от «земли обетованной» [Шульженко 2017, с. 105] до места «хуже Сибири». Смыслообразующий конфликт «природного» и «культурного» и связанный с ним комплекс мотивов жертвоприношения составляет отличие Кавказского мегатекста от Сибирского. Наличие же в русской литературе еще одного (наряду с Петербургским и Сибирским) геолокального политекстуального комплекса, интегрируемого комплексом архетипических мотивов, подтверждает необходимость дальнейшего исследования мегатекстов как особых интертекстуальных единств.

Литература

- Багратион-Мухранели 2019 – *Багратион-Мухранели И.Л.* Концепт кавказского пленника в русской литературе XIX в. // Новое прошлое / The New Past. 2019. № 3. С. 178–201.
- Иванов 1994 – *Иванов В.И.* Дионис и прадионисийство. СПб.: Алетейя, 1994. 343 с.
- Топоров 2010а – *Топоров В.Н.* «Мировое дерево»: универсальный образ мифопоэтического сознания // Топоров В.Н. Мировое дерево. Универсальные знаковые комплексы: В 2 т. Т. 1. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2010. С. 263–289.
- Топоров 2010б – *Топоров В.Н.* Первобытные представления о мире (общий взгляд) // Топоров В.Н. Мировое дерево. Универсальные знаковые комплексы: В 2 т. Т. 1. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2010. С. 25–51.
- Тюпа 2002 – *Тюпа В.И.* Мифологема Сибири: к вопросу о «сибирском тексте» русской литературы // Сибирский филологический журнал. 2002. № 1. С. 27–35.

²⁴ *Топоров В.Н.* Петербургский текст русской литературы: Введение в тему // Миф, Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. М.: Прогресс – Культура, 1995. С. 279.

- Шульженко 2017 – Шульженко В.И. «Кавказский текст» русской литературы: границы описания и парадоксы восприятия // Известия ДГПУ. 2017. № 1. С. 104–108.
- Etkind 2011 – Etkind A. *Internal Colonization: Russia's Imperial Experience*. Cambridge: Polity Press, 2011. 264 p.
- Felcher 2011 – Felcher A. “Literary Conquest” of Imperial Frontiers: Bessarabia and the Caucasus “Discovered” by A. Pushkin // *Revista de Etnologie și Culturologie*. 2011. Vol. IX–X. P. 259–264.
- Hokanson 1994 – Hokanson K. *Literary Imperialism, Narodnost’ and Pushkin’s Invention of the Caucasus* // *Russian Review*. 1994. Vol. 53. Iss. 3. P. 336–352.
- Layton 1994 – Layton S. *Russian Literature and Empire. Conquer of the Caucasus from Pushkin to Tolstoy*. Cambridge: Cambridge University Press, 1994. 354 p.

References

- Bagratiya-Mukhraneli, I.L. (2019), “The Concept of Caucasian Captive in Russian Literature of the 19th Century”, *Novoe proshloe / The New Past*, no. 3, pp. 178–201.
- Etkind, A. (2011), *Internal Colonization: Russia's Imperial Experience*, Polity Press, Cambridge, UK.
- Felcher, A. (2011), “ ‘Literary Conquest’ of Imperial Frontiers: Bessarabia and the Caucasus ‘Discovered’ by A. Pushkin”, *Revista de Etnologie și Culturologie*, vol. IX–X, pp. 259–264.
- Hokanson, K. (1994), “Literary Imperialism, Narodnost’ and Pushkin’s Invention of the Caucasus”, *Russian Review*, vol. 53, iss. 3, pp. 336–352.
- Ivanov, V.I. (1994), *Dionis i pradionisiizstvo* [Dionysus and Pradionisism], Aleteiya, Saint Petersburg, Russia.
- Layton, S. (1994), *Russian Literature and Empire. Conquer of the Caucasus from Pushkin to Tolstoy*, Cambridge University Press, Cambridge, UK.
- Shul’zhenko, V.I. (2017), “The ‘Caucasian Text’ of Russian Literature. The Boundaries of Description and Paradoxes of Perception”, *Izvestiya DGPU*, no. 1, pp. 104–108.
- Toporov, V.N. (2010a), “‘The World Tree’. A universal image of mythopoetic consciousness”, *Mirovoe derevo. Universal’nye znakovye komplekсы* [Toporov, V.N. The World Tree. Universal Significant Complexes], in 2 vols., vol. 1, *Rukopisnye pamyatniki Drevnei Rusi*, Moscow, Russia, pp. 263–289.
- Toporov, V.N. (2010b), “Primitive Ideas About the World (General View)”, *Mirovoe derevo. Universal’nye znakovye komplekсы* [Toporov, V.N. The World Tree. Universal Significant Complexes], in 2 vols., vol. 1, *Rukopisnye pamyatniki Drevnei Rusi*, Moscow, Russia, pp. 25–51.
- Tyupa, V.I. (2002), “Mythologem of Syberia. On Issue of ‘Siberian Text’ in Russian Literature”, *Sibirskii filologicheskii zhurnal*, no. 1, pp. 27–35.

Информация об авторе

Диана А. Молчанова, аспирант, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; anafielas@yandex.ru

Information about the author

Diana A. Molchanova, postgraduate student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; anafielas@yandex.ru